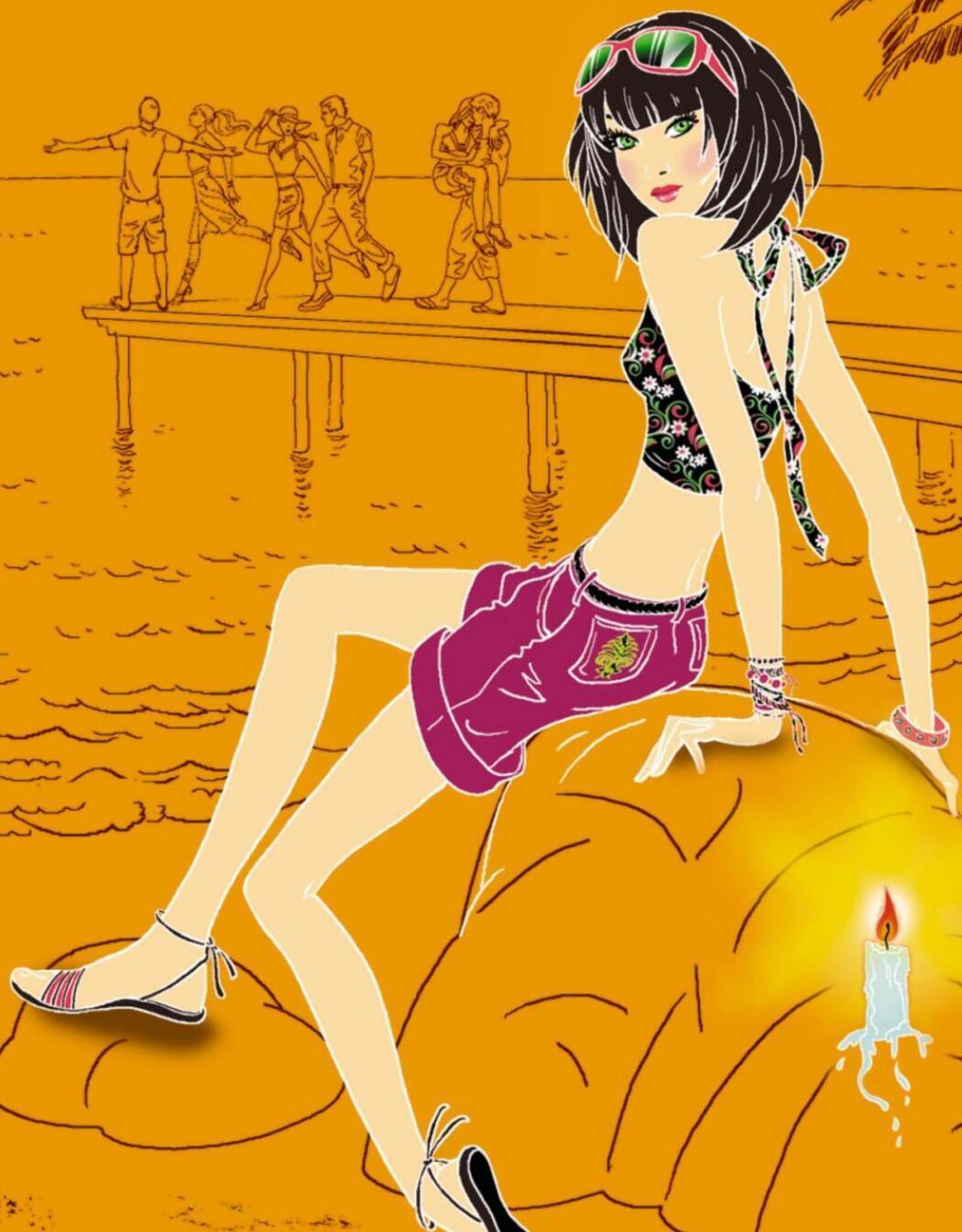


Песчинка на ладони



Только для девчонок

Ирина Щеглова

Песчинка на ладони

«Автор»

2012

Щеглова И. В.

Песчинка на ладони / И. В. Щеглова — «Автор»,
2012 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-57084-3

Родители никогда не прислушиваются к мнению Лики. Словно ее не существует. Вот и теперь ей предстоит отправиться в Турцию – в молодежный лагерь «Тропикана» – только потому, что этого хотят мама с папой. И конечно, они даже не спросили, желает ли этого она сама. Предстоящие каникулы обещают стать самыми ужасными за всю Ликину жизнь! Ни ласковое море, ни яркое солнце не могут унять ее душевную боль... И это никак не сможет исправить симпатичный парень!

ISBN 978-5-699-57084-3

© Щеглова И. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Щеглова

Песчинка на ладони

Глава 1

Перелет

Всю дорогу Лика дулась и не разговаривала с родителями. Да они особенно и не настаивали. Болтали между собой, не обращая внимания на дочь, съезжившуюся на заднем сиденье.

«Я им не нужна, – думала Лика, глядя на два родных затылка, – я вообще никому не нужна, я всем только мешаю».

Накануне дома произошла совершенно безобразная сцена. Лика пинала чемодан, кричала на маму, захлебываясь слезами:

– Не поеду! Не поеду! – вопила она. Мама зажимала уши, страдальчески прикрывала глаза и твердила упорно:

– Нет, поедешь, я сказала!

Лика надеялась до последнего. Они должны были передумать! В самом деле, нельзя же вот так, не считаясь с ее мнением и желанием, не спрашивая у нее, взять, да и отправить в какой-то идиотский лагерь где-то в Турции. Она что – багаж бессловесный? Кукла? Но ведь так не может быть. Не должно так быть! И Лика изо всех сил пыталась доказать родителям их неправоту. Они не реагировали. Вообще весь последний год у них творилось что-то несусветное. Казалось, никто никого не слушает, и каждый старается перекричать остальных. Когда ругались родители, Лика зажимала уши и закрывалась в своей комнате, но стоило, например, маме остаться одной, как она мгновенно переключалась на Лику, и тогда по квартире летали молнии и гремели грозы. К началу лета обстановка накалилась до того, что дома стало невыносимо. Лика не спала по ночам, прислушивалась к родительским голосам, доносившимся из-за двери, и страдала. А потом они вдруг помирились или временно сговорились, кто их знает. Они же не спросили у Лики, как будто она чужая. Нет! Ее просто поставили перед фактом. В один прекрасный день сообщили о том, что им надо побыть вдвоем, у них проблемы, и еще какую-то чепуху, а она – Лика – отправляется в ссылку, то бишь в лагерь... За что? Лика попыталась выяснить: за что? У них проблемы. Но ведь проблемы надо решать всем вместе, разве Лика не их дочь? А если они так не считают, зачем рожали? Она не просилась на свет, между прочим!

Она, естественно, высказала все, что думала. Они только переглянулись и пожали плечами, равнодушно пожали! Они все давно решили! Ясно, Лика им мешает. Она им всю жизнь мешает, вот и хотят отделаться!

Мама, разумеется, бросилась в истерику, папа нахмурил брови и резко выговорил Лике, обозвал неблагодарной эгоисткой. Это она-то эгоистка?! А сами они кто?!

И Лика, конечно же, заявила, что ни в какой лагерь не поедет. Не нужны ей такие насильные благодаяния, за которые еще и благодарить требуется.

И тут ей папа новость выдал, что она поедет как миленькая, потому что они путевки купили на Кубу, так что ее «отдых» в лагере не обсуждается. Вопрос решенный, и точка!

Вот так.

Неделю она, можно сказать, «стояла насмерть».

Они оказались сильнее. Как ни сопротивлялась Лика, утром родители силком затолкали ее в машину, отец бросил в багажник собранный мамой чемодан. Взъерошенная, зареванная, она забилась в угол на заднем сиденье, обхватила себя руками и решила молчать, что бы ни случилось. Ну должны же они были опомниться?!

Не опомнились.

Подкатили к аэропорту, выволокли Лику, повели, как бессловесную животину на веревочке. Лика затравленно озиралась по сторонам, до последнего момента она надеялась сбежать или устроить что-нибудь эдакое, скандал какой-нибудь, что-то, что заставит их передумать и отказаться от затеи отправить ее в этот дурацкий лагерь. Но, как на зло, в голову ничего не приходило, кроме как упасть на аэропортовский пол и закатить истерику. До такой крайности Лика еще не дошла. Она боялась людей, их так много шныряло вокруг: равнодушных, суетливых, отстраненных, холодных, чужих... Ах, если бы она заболела! Такой внезапной страшной болезнью... Нет, не очень страшной, от страшной и помереть недолго, но все-таки достаточно серьезной. Например, поднялась бы у нее высокая температура... С температурой ведь не потащили бы ее в самолет? Или потащили бы? Что должно было случиться, чтобы они отказались от своей поездки на Кубу? А еще лучше, если бы они взяли ее с собой.

Теперь уже поздно, поздно!

Вон тетка стоит с табличкой, а вокруг тусуются такие же несчастные, как и Лика, – такие же лишние и ненужные, сплавляемые родителями подальше от дома. Спрашивается, зачем заводить детей, если они вам не нужны? Охота вам вместе тусоваться – ну и тусуйтесь себе на здоровье, не рожайте никого, не мучайте.

– Ольга Викторовна, здравствуйте! – выпалил отец, и его пальцы еще крепче впились в Ликино запястье, за другую руку с силой дернула мама и сделала «страшные глаза». Лика закусила губу.

– А, здравствуйте, здравствуйте! – скороговоркой проговорила тетка с табличкой. – Вы у нас кто?

Лика взглянула исподлобья, Ольга Викторовна – маленькая, пухленькая женщина, наверное, ровесница мамы. Интересно, а ее дети где? А муж? Она же на работе. Она работает надсмотрщицей за чужими детьми, в то время как свои тоже неизвестно где и с кем... Лика поморщилась.

Между тем Ольга Викторовна сунула какой-то другой тетке табличку, достала из-под мышки папку с бумагами, развернула. Отец назвал фамилию. Втроем они склонились над бумагами.

– Вот наша анкета, – ткнула пальцем мама.

– Отлично, – пробормотала Ольга Викторовна, захлопнула папку и посмотрела на Лику:

– Ну, будем знакомиться? – и протянула руку. – Меня зовут Ольга, я буду вожатой в твоей группе.

Лика хмыкнула и отступила назад, спрятав руки за спину. Еще не хватало!

Мама снова дернула, толкнула вперед. Лика поморщилась.

– Прекрати! – прошипела мама в самое ухо. – Не паясничай!

Ольга Викторовна несколько удивилась, но ее уже отвлекли, прибыли еще какие-то люди, заговорили, полезли сверяться со списками...

Хмурую Лику родители оттащили в сторону, по-прежнему не выпуская ее рук.

– Вы еще пожалеете! – пообещала Лика.

– Ты невыносима! – страдальчески воскликнула мама. – Хоть сейчас не позорь себя и нас перед людьми!

– Ты сама себя позоришь! – огрызнулась Лика.

– Да прекратите же! – не выдержал отец. – Лика, ты ведешь себя так, будто тебя на каторгу посылают! И это вместо благодарности! Родители отправляют тебя в лучший молодежный лагерь! Самый знаменитый! Я в детстве даже мечтать не мог!

– Я тоже, – поддакнула мама.

– Ну и катились бы туда сами! – огрызнулась Лика. – А я не просила!

– По-твоему, мы должны были тебя одну оставить в городе? – удивился отец.

Ли́ка, еле сдерживая слезы, посмотрела на него с неммым укором. Он что, правда не понимает? Не понимает, что Ли́ка тоже хочет на Кубу? С ними! А они даже не рассматривают такую возможность! Они и думать не думали о том, чтобы взять ее с собой. Мамочка так и заявила: «Мне необходимо отдохнуть!» То есть дочь надоела ей до такой степени, что она готова сплавить ее куда угодно. Ну да, они часто ругаются, да, мама жалуется на невозможный Ли́кин характер, да, у нее часто болит голова, и она никогда не говорит спокойно, все время кричит, как будто Ли́ка плохо слышит. Но ведь она сама виновата! И отец тоже. Ему вообще наплевать. Он из-за своей работы вообще ничего не видит и не слышит. Как будто вокруг нет ничего и никого. И оба, отец и мама, заняты только собой. У них даже друзей общих нет. Они и между собой почти не общаются, или молчат, или ссорятся.

Теперь придумали эту поездку на Кубу, чтоб, значит, побыть вдвоем, разобраться, отдохнуть... а Ли́ка? Она не член семьи? Ей не надо разобраться? Может, она тоже хочет найти общий язык, может, она хочет, чтобы отец и мама ее любили, чтобы целовали на ночь, обсуждали с ней какие-то вопросы, выслушали ее, наконец! А вместо этого – лети, доченька, в Турцию! Пусть за тобой чужая тетенька присмотрит, пока мы будем оттягиваться на Кубе. Еще бы! Круто, потом можно хвалиться, мол, наш ребенок получает все самое лучшее! У нас денег полно! Мы такие все продвинутые!

Врут! Врут! Все врут и все время!

– Ли́ка!

Она резко подняла голову. Перед ней стояла Маринка – соседская девчонка. Так, немного знакомая, в одном дворе живут.

– Привет! – Надо же, лицо так и светится, улыбка до ушей. А вырядилась!

– Ты че, тоже летишь? – Маринка сверкала белоснежной улыбкой, сияла золотыми волосами, выглядела, как мамина медная турка после чистки.

Пришлось скривить губы и ответить:

– Угу...

А Маринка уже щебетала с Ли́киными родителями:

– Ой, здравствуйте! А я и не знала, что вы Ли́ку отправляете. Здорово!

Родители переглянулись и дружно поздоровались. Подошла Маринкина мама – разодетая и расфуфыренная дама, под стать доченьке. Они сразу же расцеловались с Ли́киной мамой и защебетали: «Как это замечательно! Девочки будут вместе... Конечно, конечно, Мариночка присмотрит за Ли́кой... ах, ах, разумеется!» Фу, слушать противно!

Мама ослабила хватку. Ли́ка потеряла руку.

– Супер! – Маринка сразу же вцепилась в нее. – Я весь год мечтала! Прикинь, мне все уши прожужжали этой «Тропиканой». Лучшее место на побережье! Свобода полная!

Она прикрыла глаза и замурлыкала какую-то мелодию. Ли́ка взглянула на нее с недоверием. Чему радуется?

– Ребята! Время! – крикнула Ольга Викторовна.

И вся толпа детей, сопровождающих и родителей, нагруженных багажом, устремилась к регистрационным стойкам.

Мама скользнула губами по Ли́киной щеке, отец смотрел в сторону.

– Пока. – Мама слегка толкнула ее в спину, Ли́ка молча шагнула вперед. Вокруг гомонили незнакомые девчонки, парни, их родители. Слышались шутки, последние наставления. Сопровождающие пытались перекричать всех.

Ли́ке стало страшно. Она почувствовала себя беспомощной щепкой в водовороте.

Глава 2

Марина

Она проснулась с ощущением счастья. Или почувствовала себя счастливой еще во сне, хотя почему же во сне, она и вчера чувствовала себя счастливой. Да-да! Неделю перед отлетом Маринка еще нервничала, временами ее даже лихорадило. Мама говорила, это от возбуждения. Ну, естественно! Как же иначе! Ведь надо было столько всего успеть, купить, собрать. Шутка ли: она летела в другую страну; но дело не в этом, ей и раньше приходилось бывать в других странах, так ведь то с мамой, а теперь – одна. Не то чтобы она уж очень переживала – нет. Просто было немного не по себе. Разумеется, она все продумала, и вообще, она весь год готовилась. Изучила сайт «Тропиканы», прочитала правила, отзывы, пересмотрела множество снимков и видео. Ей все нравилось, чем дальше, тем больше. Она еще не знала, как отнесется к ее идее мама, ходила вокруг и около, исподволь задавала навоящие вопросы... А маме все время некогда, она же вся в работе, на бегу. Шутка ли – быть владелицей сети косметических салонов! Маринка очень гордилась мамой. Она считала себя самостоятельной и вполне справлялась с домашним хозяйством, да что там такого особенного – подумаешь! Она давно привыкла к частым маминым командировкам. И если раньше за ней присматривали мамы подружки, то последние пару лет Маринка ловко отказывалась от такого присмотра, считая себя вполне взрослой. Маринкина бабушка не вмешивалась в ее жизнь, да и жила она довольно далеко. Отец тоже когда-то был, да давно сплыл. Маринка его и не помнила совсем.

Мама – совсем другое дело. Маму Маринка обожала. У них это взаимно. Маринка знала, стоит только попросить – мама сделает. Но все-таки немного опасалась. Как мама посмотрит на то, чтобы отпустить ее одну?

Напрасно волновалась. Очень даже спокойно мама отпустила. «Чего в городе сидеть? Я еще неизвестно когда вырвусь, так что лети, девочка!» И Маринка полетела!

А в аэропорту соседскую девчонку встретила – года на два младше, испуганную, взъерошенную, как желторотый воробышка, выпавший из гнезда. Маринка сразу же решила взять ее под свое крылышко, она и родителям Лики пообещала. Может, сгоряча, но, во-первых, девчонку стало жалко, во-вторых, Лика все-таки своя, а мало ли как там еще сложится...

Но пока все складывалось великолепно! Прекрасно, восхитительно, чудесно!

Наверное, поэтому она проснулась счастливой, легко спрыгнула с кровати и, раздвинув шторы, выглянула в окно:

– Супер!

Повернула голову, взглянула на соседку, свернувшуюся калачиком на своей кровати.

– Ликусь! Вставай! – пропела. Но та никак не отреагировала. Маринка, продолжая напевать, подошла к ней, потрясла за плечо.

– Я не пойду, – заявила Лика, отворачиваясь к стене.

– Да ладно, – Маринка решила не отставать, – я тоже не выспалась, но надо же хоть разок попробовать, что они дают на завтрак.

– Плевала я на их завтрак. – Лика натянула простынь на голову. – Отстань, а?

В номер постучали:

– Девчонки, доброе утро, – донеслось из-за двери, – у нас подъем.

– Ольга, мы идем! – весело отозвалась Маринка.

– Достали, – проворчала Лика, но встать и не подумала.

Маринка пребывала в радужном настроении. В окно било южное солнце, номер ей сразу понравился. Вчера она толком не успела обжиться, вещи валялись повсюду. Надо бы повесить их в шкаф, но некогда. Маринка плюхнулась на кровать и рассмеялась:

– Хватит кукситься, – посоветовала она Лике, – ты и вчера весь день недовольная была, и сегодня. Болит что-нибудь?

– Ничего...

Маринка вскочила:

– Вот что, я пока умоюсь, а ты поднимайся, о'кей?

Лика повернула к ней взлохмаченную голову, сверкнула глазами:

– Я же попросила, отстань!

Маринка пожалала плечами: психует чего-то... По дому скучает? Она же еще маленькая – всего четырнадцать, а Маринке – почти шестнадцать. К тому же ее просили присматривать за Ликой, кто же знал, что она такая злюка. И молчит все время. Возись теперь с ней... Вчера еще вроде ничего была, соглашалась со всем. Только вечером закапризничала, когда на берегу сидели со свечкой, отказалась говорить, вскочила, ушла в номер, потом сказала, что устала. Ну, бывает, день тяжелый, перелет, смена климата и все такое. Даже в море не купалась. И знакомиться ни с кем не стала.

Зато Маринка не теряла времени даром. Вместе с другими девчонками из отряда обегала окрестности, все осмотрела, ну, не все, конечно, лагерь-то огромный! В сезон принимает больше тысячи человек! И чего тут только нет! И бассейны, и кафе, и всякие площадки, беседки, дискотеки. И море, море, море!!! пляж шикарный! Не зря Маринка набрала купальников! аж пять штук! И все новенькие! Будет в чем покрасоваться. В отряде их пока семнадцать человек, но Ольга сказала, что еще приедут. Девчонки вроде нормальные. Почти все Маринкины ровесницы или чуть старше. Лика, наверное, самая маленькая. Может, она комплексует? Парни тоже ничего, жаль только, никого интересного.

Маринка поплескалась под душем, обернулась полотенцем, вышла, напевая, взглянула на кровать. Лика по-прежнему лежала в позе эмбриона, закутавшись в простыню, как в кокон.

– Ликусь, – Маринка присела на краешек, прикоснулась к Ликиному плечу, – ты чего, милый?

Та не пошевелилась, сделала вид, что спит.

– Ну ладно. – Маринка решительно встала. – Не хочешь, как хочешь. Тебе принести чего-нибудь?

Опять молчание.

Маринка вздохнула. В дверь снова постучали.

– Да иду я! – крикнула Маринка.

Натянула первые попавшиеся шорты, топик, собрала волосы в хвост, времени на красоту совсем не осталось. Неправильно это!

– Если надумаешь, приходи, – сказала напоследок, – столовая знаешь где. – И вышла, тихонько прикрыв дверь.

На завтраке все были сонные, включая и руководителей. «Ага, небось всю ночь отмечали», – подумала Маринка, усмехаясь.

– С вами все понятно, – пошутила вожатая, оглядывая пустующие места за столами. – На зарядку вышли три калеки, на завтрак добрали еще несколько.

– Еще и зарядка?! – удивился кто-то. – Мы че, детишки?

Вокруг засмеялись.

– Народ, спокойно, – остановила вожатая. – Мы ваши анкеты читали и обо всех пожеланиях ваших и родительских знаем.

– Ну вот...

– Главное, не напрягаться!

– А экскурсии будут?

– А почему отбой так рано?!

– Мы сюда отдыхать приехали!

Пока они препирались, Маринка быстренько соорудила несколько бутербродов для Лики, не оставляя же соседку голодной.

Она уже собиралась покинуть столовую, как к ней подошла вожатая:

– Марина, задержись на секунду...

Она остановилась, взглянула снисходительно, сверху вниз, вожатая ростом не вышла.

– Как там Лика? – спросила Ольга.

Марина пожала плечами:

– Спит...

– У нее все нормально?

– Не знаю, вроде нормально...

– Ладно, иди... Чуть попозже поговорим, мне еще новеньких встречать. Соберемся у бассейна в беседке, – напомнила напоследок.

Маринка пожала плечами: надо, так надо... к тому же интересно посмотреть на новеньких. А пока – у нее есть время, чтобы привести себя в порядок.

В номере она застала хмурую Лиду, сидящую на разобранной постели. Она явно пыталась кому-то дозвониться, но, едва заметив Маринку, тут же сунула телефон под подушку. Ого! А не пахнет ли здесь несчастной любовью?

– Привет, – Маринка широко улыбнулась и протянула Лике сверток, – вот твой завтрак. Я не знаю, что ты любишь, поэтому собрала, что было. Кстати, кормят суперски.

– Спасибо, – Лика покосилась на бутерброды.

– Наша Оленька попросила появиться у бассейна, – сообщила Маринка. – Новенькие придут, познакомимся, то да се...

– Мне не интересно, – буркнула Лика.

– Лик, ты что в самом деле? – удивилась Маринка. – Я понимаю, может, у тебя настроения нет, но хоть на воздух выйди, окупись в море, там такая красота! – Маринка мечтательно прикрыла глаза. – Вода – теплющая! Сказка!

– А мы разве не по свистку купаемся? – ехидно переспросила Лика.

– По свистку? – удивилась Маринка. – Нет вроде. Тут народ в основном взрослый, в няньках не нуждается. Я во всяком случае.

– А эти наши, воспитатели? – недоверчиво уточнила Лика.

– Нормальные, – ответила Маринка, – меня еще никто не напрягал.

– Конечно...

Лика поджала ноги и, обхватив колени руками, уставилась в одну точку, в правом углу у окна. Маринке показалось, или у нее были заплаканные глаза... Странная девчонка.

Маринка достала из чемодана косметичку, специальное зеркало и устроилась у стола. Надо было срочно привести в порядок маникюр, «сделать лицо», как говорит мама, а она знает, о чем говорит, и уложить волосы.

Пока она занималась собой, Лика не проронила ни слова. Молча передвигалась по комнате, что-то делала или не делала. Во всяком случае, Маринка так увлеклась, что перестала ее замечать.

Потом пришли девчонки из соседней комнаты – Настя и Аленка. И... Маринке стало вовсе не до Ликиного настроения.

Но к бассейну ее все-таки удалось вытащить. Втроем уговорили кое-как.

Глава 3

Явление героев

Все утро Лика пыталась дозвониться до родителей. Но телефон равнодушно сообщал «абонент временно недоступен, попробуйте позвонить позднее».

«Улетели!»

Другого объяснения Лика не находила. Они улетели, не потрудившись сообщить ей. Она не знала, на какое число у них билеты, не спросила почему-то, не до того было. Ждала, вот одумаются, позвонят, поинтересуются, как добралась, не скучает ли, нравится ли ей. Да как тут может нравиться!? Жуткое место! Пекло, заполненное полуголыми орущими подростками, кипящие котлы бассейнов, муки по свистку чертей-вожатых. Назойливое внимание Маринки. И чего она лезет со своими вопросами и своим сочувствием?! Можно подумать, ее на самом деле интересует Ликино состояние. Вчера вечером вожатая собрала их на берегу, расселись кругом, она зажгла свечку, велела передавать друг другу и рассказывать о себе. Пока свечка медленно плыла, приближаясь, Лика с ужасом представила себе, как она расскажет незнакомым парням и девчонкам о том, что ее бросили родители. Как они за ее спиной купили путевку, оформили документы, даже не посоветовавшись. Поставили перед фактом, да еще и требовали от нее проявления радости!

Огонек свечки двигался по кругу. Замирал в чьих-то ладонях, освещал лица, ребята что-то говорили, Лика видела, как у них шевелились губы, но она совершенно не слышала их. Чем ближе свечка, тем сильнее страх, тем громче стучит сердце, и горло сжимается от подступающих слез.

– Лика?

Она вскочила и побежала прочь. Быстрее, быстрее! Влетела в корпус, бросилась в номер, хлопнула дверь, упала на кровать, закрыла голову подушкой.

«Оставьте меня в покое, просто оставьте в покое...» – шептала. Куда там! Маринка прибежала следом. Набросилась с вопросами – что да как? От нее удалось избавиться, наврав об усталости и головной боли. Она махнула пышным хвостом и унеслась развлекаться, а Лика проревела в подушку и сама не заметила, как уснула. Утром приставучая Маринка снова завела свою песню: идем на завтрак да идем на завтрак. Хотелось запустить в нее чем-нибудь, чтобы заткнулась, но приходилось сдерживаться, а то потом воплей не оберешься. Набегут, будут ахать, охать и воспитывать. Кое-как избавилась от нее. Еще теплилась надежда, вдруг позвонят родители, вдруг вспомнят о ней, посочувствуют, заберут отсюда.

Но Маринка ушла, Лика терзала телефон в течение часа, надежда таяла, и в конце концов от нее ничего не осталось.

Лика снова рыдала, захлебывалась горькими слезами, промочила подушку насквозь. Все бесполезно. Никто не придет, не спасет, не поможет. Что же делать? Как жить дальше? Впереди долгие двадцать дней кошмара, страшного сна под названием «Тропикана». А что, если этот кошмар никогда не кончится? Она представила себе череду бесконечных дней, а потом еще, и еще... Нет, невыносимо!

В разгар переживаний вернулась Маринка с бутербродами. Заботливая, чтоб ее! Ведь не просила же!

И чего она веселая такая? Неужели ей тут нравится? Она что, добровольно согласилась поехать? Великолепная мамочка наврала ей что-то весьма убедительное, обманула бедную дурочку...

Они все здесь ненормальные!

И в покое ее не оставят!

Пока Маринка красилась, пришли еще две, такие же, раскрашенные и веселые. Втроем насели, Лика устала сопротивляться, доводы кончились. Пришлось подчиниться и пойти с ними.

И еще мелькнула мысль: у родителей должен быть телефон вожатой, вдруг они ей звонили? Неужели придется унижаться и спрашивать: «Ольга Викторовна, скажите, пожалуйста, мои мама и папа вам не звонили? А то я переживаю...» Ага, еще слезу пустить... Фу!

У бассейна было шумно. То и дело кто-то с визгом или криком прыгал в воду, поднимая тучу брызг. Народу – не протолкнуться! Лика с опаской поглядывала на кишачий народом бассейн, загорелые и не очень тела, тела, тела. Хохот, всплески, кто-то с кем-то толкался, обнимались, целовались, разговаривали, переругивались. От людей рябило в глазах. Чужая веселость пугала и раздражала одновременно. Лика осторожно обошла бассейн стороной. В беседке было потише. Лика снова увидела почти всех, с кем прилетела сюда. Насчитала семнадцать человек. Маринка говорила, что должны еще приехать.

Вожатая как раз что-то такое объясняла. Ну и пусть. Лике до этого нет дела. Она не с ними, она отдельно.

Интересно, а что это все такие довольные? Нашли чему радоваться! Не понимают, что их сюда в ссылку отправили? Моря не видели? Так и шли бы на море, нет, они всей толпой в лягушатнике плещутся. Друг перед другом купальнички демонстрируют, у кого розовее... Смотреть противно!

Лика прикрыла глаза и для верности отвернулась.

– Лик, тебе не жарко? – спросила одна из девчонок.

Лика съежилась,хватила длинные рукава кофты пальцами, натянула так, чтобы закрыли кисти, взглянула исподлобья:

– Нет, мне холодно.

У девчонки улыбка сползла с губ:

– А-а, – протянула она.

– Бэ-э, – передразнила Лика.

Вокруг захихикали:

– У нас овечка появилась.

Лика вспыхнула, хотела было убежать, но не успела.

– Ой, смотрите-ка! – воскликнула соседка Маринка с восхищением.

И все, конечно же, как один повернулись в ту сторону, куда она смотрела, и Лика невольно повернулась и увидела.

Они шагали по аллее. Как в кино! Их было пятеро. И все как на подбор. Высокие, почти одного роста, только крайний справа подкачал. Зато тот шатен, что слева! О! Сердце сладко замерло в Ликиной груди.

– Вау, – шептались девчонки. А парни напряженно молчали. И было из-за чего напрягаться и вздыхать. Лика тоже вздохнула, мысленно, про себя.

– Кажется, наши, – произнесла вожатая.

– Неужели? – томно пропела Маринка.

Вожатая вышла из беседки навстречу великолепной пятерке.

– Новенькие? – услышала Лика, она все еще не могла оторвать глаз от парней.

Парни окружили Ольгу Викторовну, закрыли ее. Теперь Лика могла видеть только их спины, да еще слышались их баски и голосок вожатой. Наконец вожатая позвала парней в беседку. Лика поспешно опустила глаза. У нее сбилось дыхание, и колени дрожали. С чего бы это?

Она боялась поднять голову, боялась взглянуть на них вблизи. Особенно на него...

– Так, давайте знакомиться, – предложила вожатая. – Значит, меня вы уже знаете, и давайте без лишних церемоний, зовите Ольгой.

- Я Артур.
- Серега.
- Прохор.
- Глеб.
- Влад.

Начался обмен рукопожатиями, сыпались имена. Лика забила в угол, в общем ликования она не участвовала. Все равно ничего не светит. Хоть она и расслышала имена, но не разобралась, кого как зовут.

– А это кто тут у нас? – Она вздрогнула, потому что его лицо оказалось совсем близко. Он склонился к ней, смотрел чуть насмешливо, волнистая челка упала на глаза, он небрежно смахнул ее назад. – Кто тебя обидел, детка? – переспросил чуть удивленно.

– Я тебе не детка! – огрызнулась она, не успев прикусить язык. Кровь мгновенно прилила к щекам. Лика отвернулась.

– Извини, колючка.

– Это наша Лика, и она сегодня не в настроении, – наперебой щебетали девчонки. «Вот дуры гламурные!» – со злостью думала Лика. А он уже не обращал на нее внимания, уже забыл, уже растворился среди себе подобных.

Ну и пусть! Тоже мне – принц нашелся!

– Ребята, ребята, – зывала вожатая, – сейчас мы вас поселим, вы немного отдохнете и как раз успеете на обед.

– Я бы пожрал, – заметил блондин из вновь прибывших.

– Все бы тебе жрать!

– Господа, следите за речью, что такое! – шутливо возмутился тот, что пониже ростом. Он был самым элегантным из всех, черная рубашка, брюки, туфли, даже шляпа имелась. В руках у него оказалась камера. – Ольга, мы с вашего позволения снимем этот волнующий момент нашего прибытия.

Вожатая рассмеялась:

– Да пожалуйста!

– Артур, сбациай речь. – Блондин забрал у него камеру, вся пятерка направилась к бассейну. Лика немного расслабилась, теперь она могла безбоязненно наблюдать за парнями.

– Да не вопрос, Серый, – с достоинством ответил Артур.

Элегантный коротышка устроил у бассейна настоящее представление, он кривлялся, выкрикивал что-то, переключил на себя внимание всех окружающих и, в довершение ко всему свалился в воду прямо в модных шмотках. Все так и ахнули, но это сначала, от неожиданности, потом, конечно, заржали хором. А за Артуром в бассейн попрыгали и остальные.

И снова визг, крик, шум, хохот.

В какой-то момент Лика потеряла из виду своего шатена. «Как же его зовут? – думала она, пытаюсь разглядеть его мокрую голову среди десятков других. – Влад? Прохор? Или Глеб? Нет, скорее он Прохор, редкое имя, ни разу не встречала... А Глеб? Тоже красиво...» Она поймала себя на мысли, что смотрит на резвящихся парней с тайной завистью, и сразу же одернула себя. Ее это не касается! И еще слово «детка», резанувшее по самолюбию.

Артура быстро выволокли из бассейна.

– На первый раз прощаю, – пообещала вожатая, – но если еще раз замечу – штраф!

«Штрафы какие-то выдумали! Только бы деньги драть», – с неприязнью думала Лика. Она не читала правила и ничего не знала ни о распорядке дня, ни о том, что запрещено делать, вообще ни о чем.

Вчера вожатая что-то такое рассказывала, предупреждала, но Лика пропустила мимо ушей. Только когда вожатая упомянула о депортации, Лика наострила ушки. Слово-то какое – депортация! Строгое. Серьезное слово. Что оно подразумевает? Насколько Лике было

известно, депортировали всяких там шпионов, дипломатов проштрафившихся и им подобных деятелей. Как оказалось, к отдыхающим подросткам могли применить именно эту санкцию. Хм, это уже интересно... а за что? Ну так... чисто теоретически... Что надо натворить, чтобы тебя выдворили, то бишь отправили домой первым же рейсом? У кого бы узнать?

Лица потихоньку сбежала в номер, нашла у Маринки памятку и до обеда изучала правила поведения на территории лагеря.

Глава 4

Великолепная пятерка

Они расселились в двух смежных номерах, как и было задумано. Артур и Серега с Прохором, Глеб и Влад – через стенку.

– Старожилам – почет и уважуха, – заметил Серега, разваливаясь на кровати.

– А то! – поддержал его Артур, стягивая мокрую одежду. – Проха, – окликнул он, – ты как насчет модераторства?

– Можно, – откликнулся Прохор, заталкивая рюкзак в шкаф.

– Оно вам надо? – лениво переспросил Серега.

Прохор пожал плечами:

– Почему бы и нет? Меня еще в прошлом году звали.

– Не, напряги – на фиг! – Серега лег на спину, закинул руки за голову. – Годится, – кивнул удовлетворенно.

Прохор усмехнулся. Он приехал в лагерь уже в четвертый раз. Его друг и одноклассник Артур, как и Серега, – в третий. С Владом и Глебом они познакомились в прошлом году.

Так что «Тропикану» Проха и его товарищи знали как свои пять пальцев. В прошлом году Прохора, как самого активного и ответственного, уже приглашали в совет лагеря, но он от должности модератора отказался. По жизни не любил выставляться. И в школе тоже: сколько раз его пытались продвинуть во всякие советы, но Прохор упорно избегал публичности. Просили принять участие в каком-нибудь мероприятии – пожалуйста! Помочь – ради бога! Но управлять, указывать, заседать, светиться – увольте!

Но в этом году он решил изменить своим принципам. Появились причины. Дело в том, что у них с Серегой возникла идея – снять кино о «Тропикане». Не на пустом месте, конечно. Сереге родители подарили приличную камеру, и приятели во время учебного года почти все свободное время посвящали видеосъемке. Проштудировали множество пособий и специализированных журналов, записались на курсы и осенью должны были представить свою работу на суд компетентного жюри. Если их кино пройдет отборочные туры, то, возможно, попадет на фестиваль юношеских фильмов. За это стоило побороться!

Условия участия в конкурсе были самые демократичные, снимать можно было все, что душе угодно, хоть про любовь, хоть про войну. Поэтому Прохор сразу же предложил Сереге сделать такой репортажный фильм о «Тропикане». Сереге вроде бы идея понравилась. Решили, на месте разберутся со сценарием и всем остальным.

И Прохор, чтобы облегчить им с Серегой условия работы, решил взвалить на себя модераторство. Хотя Серега и не одобрял его решения. Он считал, что Проха погрязнет в общественных делах, и у него не будет времени на главное – на кино.

– Наоборот, – убеждал его Прохор, – модератору гораздо легче все организовать и договориться с администрацией и вожатыми. Мало ли какие у нас возникнут вопросы.

Он заранее списался с руководством, рассказал об их с Серегой идее, прислал наброски сценария.

Идею одобрили и обещали всяческое содействие. Дело оставалось за малым – снять фильм. Обязанности распределились сами собой. Прохор – режиссер и сценарист по совместительству, Серега – оператор. Артура тоже привлекли в качестве «говорящей головы» или ведущего, потому что у него язык подвешен и камеры не боится.

Собственно, работа уже началась, процесс пошел. Сюжет простой – в молодежный лагерь прибывают пятеро друзей и отрываются по-полной. Хотелось чего-то такого, полуигрового,

полудокументального. Планы громоздились один на другой. Да еще и с Серегой не была выработана единая концепция, так сказать. Один – одно, другой – другое.

Проход вздохнул, вспомнил, что не достал из рюкзака шорты и майку, негромко выругался, выволок рюкзак из шкафа и начал потрошить, вываливая из него с таким трудом уложенные вещи.

В номер ввалились Влад и Глеб. Серега тут же заорал: «Стучаться надо! Вдруг я голый!»

– Вообще-то, голый – я, – напомнил Артур.

– Тем более! – Серега захохотал, остальные подхватили.

Проход смотрел на своих друзей и вспоминал, как приехал сюда впервые, когда ему было двенадцать. Все было в новинку и казалось невероятным приключением, в духе любимых фильмов про пиратов. Они и группу свою так называли – «Пираты». Из воды не вылезали, все время выдумывали какие-то новые игры, причем Проход все время был главным заводилой. Доставалось ему, конечно, от вожатых... Проход усмехнулся, дело прошлое. Теперь он человек взрослый и солидный. В прошлом году взяться за модераторство ему помешали обстоятельства, если можно так сказать. А попросту – Проход влюбился в девчонку из другого отряда, а она на него – ноль внимания. Пришлось изобретать головокружительные трюки, чтобы только заметила, повернула в его сторону свою белокурую головку, взмахнула ресницами. Проход в бассейн нырял всеми возможными и невозможными способами: и сальто крутил, и ласточкой, и спиной, и боком, и как только не изгалялся. На дискотеках зажигал, участвовал во всех соревнованиях и даже выигрывал. Пел, плясал, играл в спектакле. В конце смены он превратился в настоящую звезду. Девчонки толпами за ним ходили. Но только не она. Она, как оказалось, вздыхала по Сереге. Записки ему писала, приглашала танцевать, свидания назначала. А этот придурок даже не понял ничего.

Вот разберись с этими девчонками! Что им надо? Человек, можно сказать, из кожи вон лез, только чтобы заслужить ее улыбку. А она!

Ладно, дело прошлое. Давно все прошло и быльем поросло. Да и не стоила она того, потом общался с ней ВКонтакте «тюсечки-пусечки», картинки с котятами, глазастые парочки из анимешек, охи-вздохи по поводу каких-то вампиров... Нет, спасибо, у него и в классе этого добра навалом. После того как остыл, встречался еще с двумя, не одновременно, по очереди. Только они какие-то одинаковые оказались. Капризы, игры в молчанку, надутые губы, опоздания, болтовня по телефону, дурацкие эсэмэски с сердечками и смайликами, повсюду стекляшки блестящие – «стразики», сладкие духи, раскрашенные лица... неужели они все такие? Нет, не может быть.

– Проха, ты че тупишь!? – вывел его из задумчивости Серегин голос.

– Да так, детство вспомнил, – усмехнулся Проход.

– Хватит вспоминать, айда похаваем.

Глава 5

Попытка бунта

- Как тебе новенькие?
- Зачетные такие!
- Сереженька такой красавчик!
- Милашка! Блондинчик!
- Мне блондины не очень...
- А мне Артур понравился, забавный, правда?
- А вы видели, какие у Прошеньки глаза!?
- Ой, Прошенька красавец!

Их голоса раздражали ужасно! Лика страдальчески вздохнула и отвернулась к стене.

- Лика, Лик, а тебе кто нравится?

«Вот пристали!»

- Никто! – выпалила в сердцах.

– Отстаньте от нее, она еще маленькая, – засмеялась Маринка. Девчонки захихикали.

- Зато вы очень взрослые! – огрызнулась Лика.

– Что ты на всех бросаешься? – удивилась Настя. – Если у тебя плохое настроение, это еще не повод портить его другим.

- Не твое дело! Я к тебе не лезу, и ты не лезь!

- Нужна ты мне... – пробормотала Настя.

Лика услышала, как Маринка что-то шепнула, и девчонки замолчали. Ну и прекрасно!

- Лика, мы на обед, ты идешь? – спросила Маринка.

- Идите, я потом...

В ответ – тишина. Потоптались молча и вышли. Вот и прекрасно! Пусть бегут, пусть строят глазки этим новеньким. И сразу же почему-то представилась картинка: закат над морем, на его фоне прильнувшие друг к другу парень и девушка, парень подозрительно похож на Прохора, а девушка... Лике безумно захотелось быть на месте девушки, но вместо себя в объятиях Прохора Лика обнаружила пышноволосяную Маринку. Стало еще хуже, чем было.

Лика схватила телефон: ни звонков, ни сообщений.

Она всхлипнула и упала на кровать.

А что, если объявить голодовку? Если она откажется от пищи, то руководство обязано будет сообщить ее родителям, и тогда ее депортируют? А может, для верности стоит испортить какое-нибудь имущество? Но какое? Разбить посуду? Нет, пожалуй, недостаточно. Устроить пожар? Хм, заманчиво... Жалко, нет спичек, и зажигалки тоже нет. Спросить у кого-нибудь? Есть же тут курящие. Парни наверняка курят. К примеру, Прохор? Интересно, он курит?

Лика представила, как она подходит к Прохору и спрашивает: «Нет ли у тебя зажигалки?» А он в ответ: «Тебе зачем, детка?»

А она: «Хочу пожар устроить!»

Не поверит. Еще и издеваться начнет: «Курить вредно! А ну-ка, отдай дяде сигареты!»

Дверь в комнату приоткрылась. Лика вздрогнула и резко села на кровати.

- Лика, ты почему обедать не идешь? – спросила вожатая.

- Я? Э-э... я уже иду.

- Так пойдем, – вожатая улыбнулась.

«О нет! сейчас начнутся душеспипательные разговоры!» – испугалась Лика, хотелось ответить «закрой дверь с той стороны!» Но она не решилась, хотя, возможно, попробовать стоило, интересно, за хамство руководству могут депортировать?

– Я не хочу есть, – заявила с вызовом.

Вожатая даже не моргнула:

– Да, жарко сегодня, с непривычки, конечно, о еде думать не хочется. Ты ведь уже была на море раньше?

– Ну, была, – нехотя ответила Лика.

– Твоя мама говорила, что ты довольно легко проходишь акклиматизацию.

Лика хмыкнула. Надо же, «Мама говорила!»

– Я просто не хочу есть, – еле сдерживаясь, повторила она, – и вы не можете меня заставлять!

Вожатая, вместо того чтобы уйти, хлопнув дверью, вошла в номер и присела рядом:

– Заставлять тебя я не могу и не хочу. А вот узнать, все ли у тебя в порядке, я просто обязана.

И она приложила ладонь к Ликиному лбу. Проверила, нет ли температуры.

– Ага, вы за меня отвечаете, и все такое, – Лика насмешливо скривила губы и мотнула головой, чтобы сбросить чужую ладонь со лба.

– Угадала, – спокойно согласилась Ольга.

– Еще бы, вам за это деньги платят!

– Конечно, ведь это моя работа.

– Быть в няньках у чужих детишек?

– Няньки нужны младенцам, ты видишь здесь младенцев?

– Да как ни назови, – отрезала Лика, – суть не меняется.

Ольга не обиделась, а рассмеялась:

– Тебя послушать, так выходит, если человек выбрал профессию педагога, то он лузер.

– Да мне-то что? – Лика подчеркнуто равнодушно пожала плечами. – Вы сами сказали, – добавила она мстительно.

– Вот-вот, – развеселилась Ольга, – давайте устроим праздник непослушания, то бишь самоуправления. Долой взрослых лузеров, считающих себя крутыми педагогами!

Лика покосилась недоверчиво, с ума она, что ли, сошла? От жары крыша поехала? Нет, не похоже вроде.

– Устраивайте, что хотите, – ответила.

– Не нравится тебе здесь? – неожиданно спросила Ольга.

– Не нравится!

– Вот, теперь все встало на свои места. – Ольга поднялась. – У тебя два варианта: испортить себе отдых окончательно, то есть целый месяц без малого страдать, закрывшись в номере, или позвонить родителям и потребовать немедленной отправки домой. И страдать уже дома. Какой предпочитаешь?

– Никакой! – выкрикнула Лика. – Почему это я непременно должна страдать?

Ольга пожала плечами:

– Этого я не знаю, наверное, потому, что тебе нравится быть несчастной.

– Неправда!

– Разве? – она удивленно приподняла брови.

– Вы меня не знаете, вы ничего не понимаете! – К горлу подступили предательски слезы, не хватало еще разреветься перед этой теткой. Лика зажала рот рукой и отвернулась. Сама виновата, не надо было с ней разговаривать.

– Извини, я не хотела тебя обидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.